

6 КРУГОГОР 75

Минск. Музей Великой Отечественной войны. Почти на каждом стенде—часы. Их стрелки остановились. Они перестали показывать время тридцать с лишним лет назад. Перестали?..

Квадратный зеленый циферблат, только углы чуть закруглены. Он снят с погибшего танка. Не с того ли, который ворвался на главную улицу Минска на пятый день оккупации и крушил фашистские орудия и автомашины, пока не был подожжен прямым попаданием?.. Еще часы—сорвана искореженная крышка, на остатках механизма—буквы и цифры: «ЗИМ. 15 камней». Командир эскадрильи 127-го истребительного авиаполка Данилов сбил 22 июня 41-го года под Гродно трех фашистов, таранил четвертый самолет, пуля должна была пробить сердце пилота, но на пути оказались эти часы... Партизанская мина: в потемневшей деревянной шкатулке плоская фонарная батарейка и обыкновенный будильник с единственной стрелкой... Часы, отсчитывавшие в захваченной врагами, но непокорившейся Белоруссии наше время...

Вспоминаю декабрь 41-го года. Замело снегом лесные тропинки, по которым еще недавно пробирались наши связанные во все уголки Минской области, и обком партии всерьез задумался о запасных партизанских базах. Так появились мы с товарищем в селе Кривоносы, у порога родной моей хаты.

Открыл дверь отец. На приветствие не ответил, как-то странно поглядел на нас.

— Что с тобой?—Я попытался обнять его за плечи. Он оттолкнул меня:

— Отойди, не бери сердце! Я думал, мой сын дерется с врагом на фронте, а он по лесам хоронится. Ведь ты же секретарь партийный! Как же я в глаза людям глядеть буду?..

Я все понял. И как можно спокойнее объяснил отцу, что не хоронимся мы в лесах, а поднимаем народ, выполняя наказ партии, чтобы земля горела у захватчиков под ногами, и что дело это так же важно, как и боевые действия на фронте. Отец повеселел и крепко пожал мне руку.

— Прости, сынок, не разобрался сначала...

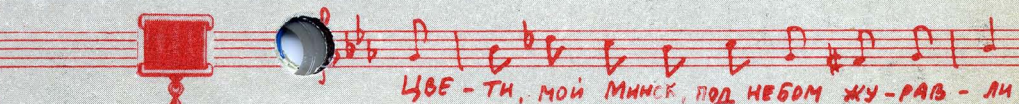
Когда мы говорим, что вся Белоруссия встала против врага в Отечественной войне,—это не преувеличение. Воевали и стар и млад. Партизан дед Талаш, носивший боевой орден Красного Знамени еще с гражданской войны, пришел к нам в отряд, когда ему исполнилось 97 лет. Иван Цуба, повторивший подвиг Ивана Сусанина, был 80-

летним стариком. Марат Казей, который подорвал гранатой себя и карателей и был посмертно удостоен звания Героя Советского Союза, не достиг и шестнадцати...

Вся Белоруссия поднялась в бой за Советскую власть, против фашистов, отнявших у мирных людей дом, семью, солнце, право работать и учиться, свободно дышать и ходить по своей земле.

К концу 1942 года на территории республики действовало около 430 партизанских отрядов, объединивших 370 тысяч бойцов. Еще столько же составлял наш постоянный резерв.

Существовала неразрывная цепь: подпольный обком партии—горкомы и райкомы—комсомольские комите-

ГОРОДА-ГЕРОИ

ПАРТИЗАНСКАЯ СТОЛИЦА

ты—подпольные организации в городах и поселках... Это была настоящая партизанская республика. И столицей ее был Минск.

В поисках связей я пробрался в Минск в самом начале оккупации. Смрад, запустение, битый кирпич и расплавленный асфальт. Из любой точки города просматривались все окраины. Но превращенная гитлеровцами в руины белорусская столица сражалась.

Коммунисты - подпольщики действовали в невероятно тяжелых условиях, многие погибли в неравной борьбе, но на место выбывшего из строя вставали десятки новых патриотов. На Минск работали межрайкомы и райкомы партии, партизанские бригады.

Был налажен выпуск газеты «Минский большевик»...

Не знали покоя оккупанты на белорусской земле. Взлетали в воздух их штабы и склады, гибли от партизанских мин палачи народа, пылали аэродромы, летели под откос поезда... Уничтожение только одного моста на реке Птичь на 18 дней прервало движение на магистрали, питавшей фашистские армии у стен Сталинграда.

3 июля 1944 года наши войска освободили Минск, красный флаг взвился над Домом правительства. Бюро ЦК Компартии Белоруссии приняло решение: 16 июля провести в Минске партизанский парад. И вот идет мимо трибун подрытники, пулеметчики, разведчики, связные, истребите-

ли танков... Кто в трофейных кованых сапогах, кто в лаптях, кто в самодельных галошах. И в руках автоматы всех систем, трофейные ручные пулеметы. Но это армия, единая, монолитная, народная...

Когда я гляжу на сегодняшний Минск—новый, прекрасный, современный город, как бы заново родившийся на пепле и развалинах,—мне вспоминается, как сразу же после партизанского парада все участники его отправились на строительство Минского тракторного завода. Многие из них и поныне трудятся в этих цехах, но уже с сыновьями...

Роман МАЧУЛЬСКИЙ,
Герой Советского Союза,
бывший секретарь Минского
подпольного обкома партии

Советское время показывали и вот те, теперь уже музейные часы Елены Григорьевны Мазаник.

...В сентябре 43-го года партизаны вынесли смертный приговор гауляйтеру Белоруссии Вильгельму фон Кубэ. Е. Мазаник работала у него прислугой и взялась привести приговор в исполнение. По тем часам и была поставлена на взвод мина, пронесенная сквозь посты и караулы из леса связная М. Осиповой. Но как доставить ее в спальню гауляйтера, если окна в ней прикрыты бронированными ставнями, а вход тщательно охраняется?

«Сунула мину в сумочку, прикрыла цветным платком. Офицер возле калитки обыскал, потянул за угол платка: «Что вы, герр офицер,—сказала я, стараясь улыбаться,—этот платок—мой презент госпоже генералше!» Следующим барьером была дверь в дом»...

Б. ВАХНЮК

Продолжение рассказа Е. Мазаник слушайте на первой звуковой странице.

На фото А. Лидова и А. Чуланова Герои Советского Союза Р. Мачульский и Е. Мазаник.

Песенная премьера «Кругозора»: «Цвети, мой Минск!»
(И. Лученок, П. Панченко, русский текст Б. Вахнюка).
Поет Вадим Мулерман.

Анатолий КАЛИНИН

У каждого писателя должна быть своя Курская дуга. Проходит ли она действительно курскими степями, излучиной ли Дона, или цехами завода, плотиной какой-то, но своя, откуда он идет к познанию жизни людей, их страстей, к своей строке...

Но есть еще у нас Вешенский яр, крутобережье, которое невольно притягивает взор, а мой — так с самых юных лет.

Однажды мать напомнила мне, что когда-то мы жили в Миллерове (там родители учительствовали). Помнишь, говорит, Толя, тебе было 13 лет. Быки шли в Вешенскую, а ты только что прочел первую книгу «Тихого Дона» и увязался с ними. На арбе несколько дней ехал в Вешенскую, чтобы посмотреть на Шолохова. Издали. Походил ты там, говорит, вокруг, постеснялся сказать о себе и вернулся. Хоть и несколько дней на этой арбе ехал до Вешенской...

Вот с тех пор, с тех времен, когда были прочитаны первые страницы «Тихого Дона» («Донские рассказы» и «Лазоревую степь» я читал позже), шолоховское мироощущение властно вошло в мою жизнь, и взор уже не отрывается от Вешенского яра. А Шолохов стал тем человеком в литературе, мерой которого меряешь глубину постижения жизни, на которого равняешься во всем.

НАШ ШОЛОХОВ

Своими книгами он говорит: надо писать только о самом истинном, самом прекрасном, самом важном, составляющем существо жизни народа. Как в творчестве, так и в личности Шолохова нет ничего мелкого, суетного. Я никогда не слышал, чтобы он о ком-нибудь за спиной сказал плохо. С ним этого не может случиться.

Он в жизни, как в строке, — человек особого обаяния. Мало сказать самородок. Он человек огромного таланта, таланта умного, простого и... изящного. Сам во многих отношениях служащий образцом для литературной молодежи, он занимает после Горького то место в литературе, которое может занимать только человек, создавший «Тихий Дон», «Поднятую целину», «Судьбу человека», по праву своего непрекаемого художественного авторитета, по праву выстраданности своих гениальных страниц.

Великое счастье для нас, что есть Шолохов, гений русской, советской литературы.

На третьей и четвертой звуковых страницах: М. А. Шолохов читает отрывок из «Поднятой целины» и размышляет о природе таланта; вешенцы говорят о знаменитом земляке; о Доне поют жители Вешенской Т. П. Попова и Т. С. Ковалев (запись из коллекции И. Я. Рокачева), старинную песню «Зоренька-зарница» исполняет ансамбль донских казаков.

Фото В. Руйковича, Я. Рюмкина

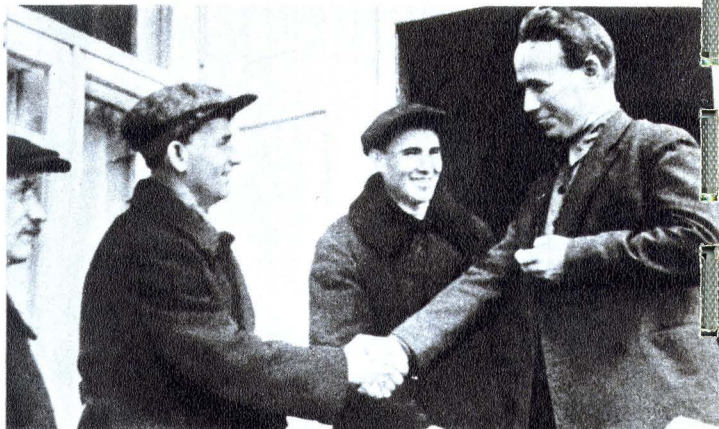
Дон...
несет зеленоватые,
просвечивающие
голубизной воды
мимо меловых отрогов
правобережных гор,
мимо сплошных
с правой стороны хуторов,
мимо редких
с левой стороны
станций до моря,
до синего Азовского.

М. Шагалов

В дни, когда в донских перелесках светло еще от желтого листа и далеко видны неслышно уходящие ввысь дымы костров, выпала мне поездка на Верхний Дон...

Смотришь с базковского бугра на знакомые курени вдали, вспоминаешь знакомые с детства строки: «Вешенская—вся в засыпи желтопесков. Невеселая, плешивая станица. На площади—посеревший от времени собор, шесть улиц разложены вдоль по течению Дона...» И невольно соотносишь их с нынешней станицей, известной далеко-далеко. Тот же старинный собор с зеленым куполом—на майдане, да не жалкие, крытые чаканом курени окружают его. Вся Вешенская—в садах. Трудно дались станичникам эти сады, возвращенные на песке. Но тем ярче радость от каждой зеленой ветки. Плывут над садами железные и черепичные крыши новых, поставленных ладно куреней.

И Дворец культуры, и почту, и редакцию с типографией, и гостиницу—все новостройки показал мне Владимир Иванович Попов, работник райкома партии, а затем со вздохом сказал: «Мост вот через Дон никак не построим...» Старенький понтонный мост, соединяющий станицу с правобережьем, снимают на зиму, и дорога проходит по припорошенному снегом льду, а посереет, размякнет от теплых азовских ветров лед—и Вешки отрезаны от мира. Постоянный мост—давняя мечта станичников. И здесь надежда на депутата Шолохова.

**М. А. Шолохов—
депутат Верховного
Совета СССР
I созыва.
Писатель на фронте.**

**В прошлом году
ростовчане вновь
избрали его своим
депутатом.
На фото В. Турбина
писатель с женой
Марией Петровной
и первым секретарем
Ростовского
обкома КПСС
И. А. Бондаренко.**

ДЕПУТАТ ОТ ТИХОГО ДОНА

В Вешенской нельзя не думать о Шолохове. Столько людей перебивало под крышей его дома! И он не мыслит своей жизни без людей, без всего, что их окружает: без вспаханной нивы, без чарующего дыхания земли, ее цвета... Едут к Шолохову по разным делам: творческим, депутатским, партийным. Вот уже более 30 лет Михаил Александрович—бессменный депутат от тихого Дона в Верховном Совете СССР.

— За все время моей депутатской деятельности я безмерно обогащался,—говорил Шолохов на одной из встреч с избирателями.—Новые люди, новые судьбы, письма, знакомящие с той или иной стороной жизни,—это живой материал для писателя, общение с людьми обогащает. Я на этом стоял и стою.

Безграничное доверие к Шолохову-человеку рождается у людей подсознательно, оно приходит со страниц его книг. Книг, которые вселяют веру в человека, учат добру, воюют со злом, неправдой.

Дорога жизни—в семьдесят лет. Полвека в литературе. И все полвека—на страже.

Став известным на весь мир писателем, Шолохов не уехал из Вешенской, не покинул родных мест. Может, и в этом тоже сила его обаяния—жить со своими героями не только воображением художника, а рядом, оставаться сыном своей земли до последнего вздоха.

Валентин СКОРЯТИН

Степан ШИПАЧЕВ

Из новых стихов
СТРОКА

Шар земной
уместил бы в строку,
только такую
найти не могу.

Глянешь,
углом
выпирает остро
то материк,
то какой-то остров,
то океан,
распустив рукава,
вдруг заштормит,
раскидает слова.
Горы.
Иная и невысока,

а от нее —
пополам строка.
И все-таки я,
пусть найти не смогу,
ищу
невозможную
ту строку.

МИНУТА

Над строчкой ли бьешься,
сидишь ли на совещаньи
в каком-то правлении,
надо ль о том забывать:
минута прошла,
и уже никакими клещами
ее
от минувшего не оторвать.
Минута, подумаешь,
даже потрогать руками

ее невозможно,
но ты и ее сторожись.
Она измеряется
нашего сердца толчками.
Но ими же измеряется
жизнь.

ВЕРСТА

Немного, чтоб славить
строкою,
унес я из детства тепла,
где, как государство другое,
другая деревня была.
Стояла, чужая, у белых
березовых колод в тени,
частушки задорные пела
с деревней моей не одни.
Тупея от праздников
пьяных,

куражилась эта и та.
Меж ними не меридианы —
лежала простая верста.
Лежала, других неизвестней,
с дорогой за пыльной лозой,
длинна, как протяжная
песня
с тяжелой мужицкой слезой.
Зимой, чтобы конным
и пешим
не сбиться, не сгнить
в пути,
держалась натыканных
вешек,
которых в буран не найти.
Недаром, изъездив, обшарив
по карте, пленясь красотою,
дороги земных полушарий
я меряю этой верстой.

Алим КЕШОКОВ

Из новой книги «Кубок неба»
СО ВРЕМЕНЕМ В ЛАДУ

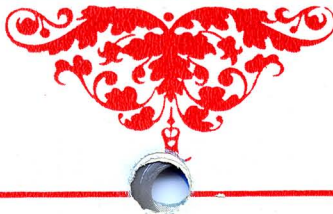
В час добрый, как это
ведется
Под знаком судеб предавно,
Вином виноград обернется
И в хлеб превратится зерно.
И, тонкий,

над крышами свесаясь,
Менаясь в дороге ночной,
В законный черед полумесяц
Округлою станет луной,
Когда-то был мокрою глиной
Кувшин, что стоит предо мной.
И сделался мальчик

мужчиной,
И девочка стала женой.
Всему есть урочные сроки,
И снова получат права
Войти в колыбельные строки
Из свадебных песен слова.
Где парень,

не веря в потери,
Коня осадил на скаку,
Когда-нибудь посох у двери
Старуха подаст старику.
А ныне скакун еще в мыле
И губы хозяйки в меду.
Пусть все превращения

в мире
Со временем будут в ладу.

**ЗАЖГИ, ЛЮБОВЬ,
ЕЩЕ ОДНУ ЗВЕЗДУ**

Вечерний час. На горную грядку
Закат садится, словно красный кочет.
Зажги, любовь, еще одну звезду
Над тополем,

что старым быть не хочет.
Немало шрамов на его коре
Оставили лихие непогоды.
Его листва и ныне в серебре,
Какой была и в ветреные годы.
Весь век, как нарекли нам на роду,
Мюриды мы душевного порыва.
Зажги, любовь, еще одну звезду
Над тополем у черного обрыва.
Скрипучих сучьев он не опустил
И пребывает в сладостной надежде,
Что снова птицам делается мил
И станет гнезда их качать,

как прежде.
Косматых туч летучую грядку
Сгоняет ветер и грозу пророчит.
Зажги, любовь, еще одну звезду
Над тополем,

что старым быть не хочет.

БЕЗЫМЯННЫЙ РУЧЕЙ

— Чей ручей? — Да ничей!
Мчит, предавшийся звону,
Безымянный ручей
По зеленому склону.
И к тому я привык,
Что не дик, а свободен
Мой гортанный язык,
С языком его сходен.
Мчать, чтоб пело нутро,
Не забава,

потреба.
На устах — серебро,
А в объятиях — небо.
Вдохновлял средь ночей
До прихода рассветов
Безымянный ручей
Безымянных поэтов.
И доволен судьбой,
Хоть и нет ее прощя.
Слышит он над собой
Шум кизиловой рощи.
И без громких речей
У подножья вершинны
Безымянный ручей
Наполняет кувшины.
Я сжимаю перо...

Ах, иметь еще мне бы
На устах — серебро,
А в объятиях — небо.

Перевел
с кабардинского
Яков Козловский

Комсомольские организации должны оказывать постоянную помощь в комплектовании строек молодыми кадрами, создании необходимых условий для повышения профессионального и общеобразовательного уровня молодежи, закреплении ее в сельскохозяйственном производстве.
Из постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР

«О мерах по дальнейшему развитию сельского хозяйства нечерноземной зоны РСФСР»

ТРУДОВОЙ КОЛЛЕКТИВ—ЯЧЕЙКА ОБЩЕСТВА

При встречах сельские жители, говоря о своем житье-бытье, отнюдь не в последнюю очередь спрашивают друг друга: «А что за человек ваш председатель?» Вопрос этот задают уже десятки лет и каждый раз отвечают по-новому. И не только потому, что речь идет о разных председателях. С течением времени меняются и подход к человеку, занимающему главный пост в хозяйстве, и требования к нему...

О земле, о профессии землепашца, о воспитании молодых хлеборобов на второй звуковой странице размышляют два руководителя хозяйств нечерноземной зоны. Один возглавляет подмосковный колхоз имени Жданова, другой— колхоз имени Кирова в Пензенской области.

За короткие сроки оба председателя завоевали уважение односельчан, приобрели авторитет не только в своем районе и области. Факты будто бы рядовые. Но здесь случай особый. Занимать такие должности в молодые годы (Александру Гришину неполных 25), и не просто занимать, а преуспеть в деле, согласитесь, нелегко.

В чем же тут секрет? Думая над этим, вспомнил я других председателей, тех, что ставили наши хозяйства в трудные годы.

...Беседовал с одним механизатором из Подмосковья. В колхозе он начал трудиться еще мальчишкой, но до сих пор

БОЛЬШОЕ ПОЛЕ

вспоминает, с каким уважением и он и его односельчане относились к председателю Александру Афанасьевичу Муханову. Умел тот распорядиться с умом деньгами, знал, в какой момент и где надо сосредоточить главные силы. Умел, кроме того, делать любую работу: пахать, сеять, косить, ходить за скотом. Придет на поле, ферму, тут же заметит, у кого заминка случается, подскажет, покажет. Потому и прислушивались к нему колхозники чутко, внимательно.

...В середине 60-х годов в алтайском селе Новообинка появился новый председатель колхоза. Удивил поначалу многих. Чем? Выходил из его кабинета иной провинившийся и разводил руками: «Не кричит, понимаешь... На «вы», по имени-отчеству. А угольков за пазуху накидает—будьте любезны. Правда, по делу...»

Потом новообинцы увидели председателя на волейбольной площадке; дальше еще хлестче—организовал драматический кружок, сам выступает на сцене. Разумеется, занимается Евгений Георгиевич Клименко лишь клубом да спортом, пришлось бы ему скоро расстаться с колхозной печатью...

Главное, ни в чем не терпел неряшливости, приблизительности. Хватался за каждую новинку в организации труда, производства, тщательно изучал ее, взвешивал, а убедившись в полезности, не жалел сил для внедрения. Отстававший доселе колхоз стал вывозить с полей больше хлеба, выросли заработки колхозников.

Тут необходимо сделать еще одну важную оговорку. Может сложиться впечатление, что, мол, вот пришел энергичный человек и в одиночку, благодаря сильной воле и знаниям перестроил колхозную жизнь на иной лад. Нет. Наверное, самым большим достоинством Клименко было умение в любом начинании находить десятки союзников, и не где-то на стороне, а здесь же, среди своих колхозников. Возможность самостоятельных действий прибавила людям желания работать творчески, с большим усердием и одновременно повышала их личную ответственность за состояние дел в хозяйстве.

Каким теперь должен быть председатель колхоза? Перед сельским хозяйством сложная задача. На той же земле надо получать значительно большие урожаи. Вместо старых ферм строить современные животноводческие комплексы, где тяжелый ручной труд заменяют механизмы, автоматика. И теперь мы нередко слышим, что председатели колхозов защищают кандидатские и даже докторские диссертации. Явление закономерное: управление хозяйством становится своеобразной наукой в полном смысле этого слова. Но в этой науке на первом плане по-прежнему остается работа с людьми. А тут не обойтись одним чутьем, простым вниманием к человеку, хотя эти качества никогда не утратят своей цены. Нынешнему председателю нужны уже серьезные социологические знания, знания психологии.

Александр Гришин (снимок слева) в селе Аршиновке— центральной усадьбе колхоза имени Кирова, Анатолий Алифанов, председатель подмосковного колхоза имени Жданова, на ВДНХ СССР.

Фото В. Скорятина

Такая вот должность у Александра Гришина и Анатолия Алифанова. Приняв умом и сердцем опыт своих предшественников, они поднимаются на новую, более высокую ступень.

А. ЯКОВЕНКО,
корреспондент «Правды»

Мороз был крепкий—дверь в сени обнесло инеем. Катя зажгла коптилку, собиралась тихо, чтобы не разбудить Машу с Мишей. К алтайскому морозу Катя привыкнуть не могла. Пальто ее пробивает насквозь. Хорошо, что есть валенки, пуховый платок. Пока дойдет до интерната через село, заиндевеют прядь на лбу, брови, ресницы.

Повизгивает снег под ногами. Все заснежено, все в морозной дымке. Из-за леса поднимается красный шар солнца. Тишина. Нет здесь воздушных тревог, затемнения. Но и здесь правит жизнью война: люди живут в постоянной тревоге за родных, в напряженном ожидании. Ждут сводок Информбюро, ждут писем.

Когда работаешь, ждать легче. Ты работаешь—значит помогаешь тем, кто воюет. Будто становишься рядом, чтобы вместе пробиться к победе.

Так думала Катя, шагая по снегу. Давно не получала она писем от мужа: жив ли он, не ранен ли? И, прислушиваясь к

почтальону. Но письма приходят очень редко.

Когда нет школы, уроков, ребята больно шалят. То пристегнули все пальто на вешалках одно к другому, то открыли форточки—заморозить воду в умывальниках. А позaproшлой ночью интернат прорснулся от визга и воплей: в спальню к девочкам явился некто в белой хламиде, ростом под потолок, с короткими ручками, без головы. Он хрюкал и подвывал, а потом умчался, стуча ногами, как лошадь.

Это все ваши, говорила Кате заведующая, остальные малы, и советовала: надо поговорить с каждым отдельно, чтобы узнать, кто заводил. Катя и сама понимала, что это «е», но склонять ребят к ябедничеству не хотелось. Может, она просто не годилась в воспитательницы? Слишком мягка? Да и не педагог она, а художник-модельер. Только моды сейчас никому не нужны. Одно Катя знала: она ребят любит. И скрытную Жанну Маненкову, и вспль-

Наталья
БАРАНСКАЯ

ГОЛУБЫЕ РУКАВИЦЫ

тому, что за тысячи километров, отвечала: он жив, он здоров, просто не смог написать.

Приходила в интернат в половине восьмого. Осматривала свое войско—двадцать парнишек, десять девчонок от десяти до двенадцати лет. Проверяла уши, руки, как заправлены койки, потом вела завтрак и отправляла в школу, если мороз меньше тридцати. А если учиться не пойдут, будет для нее чистая каюта. Потому что, кроме уборки и дежурства в столовой, дел никаких нет.

Есть у них чистые постели, одежда, еды почти досыта. Но нет книг, бумаги, игр и занятий. Ученических тетрадей и то в обрез. Воспитательницы маялись, заведующая Раиса Кузьминична успокаивала: «Были бы сыты и здоровы, мам-папам отдадим, будут воспитывать».

Мамы-папы далеко, почти все на фронте. Они военные врачи, фельдшеры. А те, кто в тылу,—в госпиталях, на производстве медикаментов. Ребята скучают, каждый день выбегают навстречу

чивого Андрея Жарбица, и Люсю с лисьей мордочкой, и Павлушу Букана по прозвищу Паша—манная каша. Может, даже Пашу любит больше других, потому что всем всегда хочется над ним посмеяться. Пуговицы на рубашке у него застегнуты невпопад, шнурки от ботинок оборваны, пальцы и щеки в чернилах, платок потерян. Пашины глаза смотрят с тоской, будто говорят: я стараюсь, но не выходит. У Пашы в мальшовой группе братишка, четырехлетний Буканчик. У него тоже всегда потерян платок и грустные глаза.

Катя думала: если ей, взрослой, так тоскливо без дома, то как же им, детям? И была готова отдать им все свое время с утра и до ночи. Но дома ждали ее шестилетняя дочка и трехлетний сынишка, и, окончив смену, Катя торопилась к своим. Она оставляла их на хозяйку, добрую, но суровую, как все здесь, женщину, тоже солдатскую жену. И все ж беспокоилась.

Катя несла домой кастрюльку с супом, половину своего второго, кусок хле-

Дорогой мой
варилец воскрип!
Может быть,
ты когда-нибудь
идеи на штык.
Узнаю отцу, то
не встану, то
я не знаю

ба—добавление к картошке или каше, что стоит в горячей русской печи. Она торопилась, а все ж оглядывалась, не идет ли где Мотя-почтальонша.

Мотю и ждали и боялись. Она разносит письма, но и «похоронки» доставляет тоже она.

Сколько раз случалось это: выйдет из дома понурая Мотя, а следом вырвется страшный крик. И зайдет в плаче и причитаниях еще одна вдова или мать, и побегут на этот плач женщины из соседних домов. И вот закричат, заплачут все—та, на которую только что свалилось горе, и те, которые не успели выплакать свое.

Никого не встретив, Катя прибежала домой. Сбросила варежки, и пальцы в рот—отогреть. Марья Васильевна расстегивала на ней пальто и ворчала:

— Что ты, Катерина, руки морозишь? Варежки твои давно сжечь пора. Давай сошьем рукавицы, у меня и патронка есть, по какой кроить. И ватин—вон рукав старый валяется. А наверх твоя юбка сгодится красная.

Вечером выкроили, а с утра Катя была дома и сшила. Рукавицы получились большие, теплые. Катя, пока шла на работу, все продумала и сразу к заведующей:

— Хочу с ребятами рукавицы шить для солдат. Все посылают подарки на фронт. Дайте нам хоть два шерстяных одеяла из старых, есть там темные.

И Катя положила перед заведующей свои новые рукавицы. Та повертела их и обещала дать одеяло, а может, и два—надо посмотреть.

Девочки обрадовались, сразу захопotalи. Мальчики отказались—шить не умеют, учиться не хотят.

В этот вечер ребята, как всегда, высаживаясь вокруг нее, стали просить:

— Расскажите из Гайдара... Нет, случай из жизни... Лучше про то, как война кончится... Лучше смешное—про двенадцать стульев...

Но Катя стала рассказывать про войну: как разведчики ходили за «языком», как боец вытащил из-под огня раненого командира, как связисты восстанавливали оборванную линию. И везде был холод, мороз, снег, и у всех зябли руки, а в одном случае были отморожены пальцы.

Умница Жарбиц не выдержал:

— Ох, и хитрая вы, Катя Михална, вы нам нарочно рассказываете такое, чтобы рукавицы шить...

Тогда Катя сказала:

— Мы с вами в доме, в тепле, скоро вы ляжете спать под свои теплые одеяла. Подумайте о наших, кто сейчас на морозе, под открытым небом.

— Согласны! Мы согласны! Учите нас шить!—закричали мальчишки.

Собрав, где можно, нитки, иголки, приступили к работе. Поначалу кололи пальцы, много поролли, перешивали. Потом стало ладиться.

Прослышав, что «интернатские шьют для фронта», стали приносить кто катушку ниток, кто иголку, а кто и старый полушалок или ватин.

Шили с каждым днем лучше. Все, кроме Паши. Так криво, так косо, как он, не шил никто. Ребята смеялись, а Паша горевал. Уже решено было—каждый кладет в шитые рукавицы письмо от себя.

Рисунок
А. Борисова

— Катя Михална, раз он шить не умеет, то и письма писать не будет! Куда ж он свое письмо положит?

Катя придумала: пусть проглаживает все шитое. Гладить, конечно, работа, но как же с письмом? А тут все обсуждают, как обращаться: «Дорогой воин» или «Дорогой наш защитник». Паша совсем захандрил. Тем более, что давно не писал отцу. Тот сообщил, что меняется полевая почта, но номера пока не прислал.

Наступил день, когда «комиссия»—Катя, Жанна, няня Фрося—принимала работу. Андрей смеялся над Жанной: зачем вышла на рукавицах бабочек? Жанна фыркала: «Какие бабочки? Это ж мои инициалы!» Люба тоже вышла буквы: «Л» и «П», чтобы различать левую от правой.

Тут подошел Паша со свертком, перевязанным веревочкой. Просил не развязывать, не смотреть.

— Это мой подарок,—сказал он,—я ведь тоже имею право послать подарок!

Он очень волновался, и Катя не стала заглядывать в сверток. Она поглядит потом, обязана поглядеть.

Посе рукавицы были заперты в шкаф, а Пашин подарок Катя потихоньку унесла домой. Вечером, уложив детишек, Катя развернула сверток и остолбенела. В нем оказались большие голубые рукавицы, выкроенные из нового плюшевого одеяла. Этими одеялами так гордилась Раиса Кузьминична. Она «выбила» их из каких-то наркомздравовских фондов и любила говорить: «У меня дети спят под плюшевыми одеялами». Что теперь будет?

Раз уж одеяло загублено, пусть хоть рукавицы будут как надо. И, погоревав, Катя села их перешивать. В одной рукавице лежала записка: «Дорогой товарищ военврач! Может, вы когда пойдете на лыжах. У меня отец тоже военврач, только я не знаю, где он сейчас. Павел Букан».

«Скучает, тяжело без писем»,—подумала Катя.

На следующее утро она сидела напротив Раисы Кузьминичны. На столе лежали Пашины рукавицы. Глядя на них, заведующая наливалась багровым румянцем. Катя не назвала Пашу, сказала: «Один из моих».

— Это ведь сделано из доброго чувства...

Заведующая ответила:

— Если ваши дети могут изрезать такое одеяло, значит, это плохая воспитательница.

Катя молчала.

— За это можно и уволить...

Катя вздохнула.

— Уж стоимость одеяла из вашей зарплаты я вычту непременно!

Катя закрыла глаза—она согласна.

А в конце месяца радио принесло радостную весть о нашей победе под Сталинградом, и все мелочи жизни отступили, затихли.

Заведующая отвезла в райвоенкомат рукавицы и привезла материю, нитки, иголки—шить по-настоящему.

И научились. Паша тоже, но позже других. Катя хвалила ребят за аккуратную, прочную работу. А сама часто вспоминала голубые рукавицы. И как вспомнит—улыбнется, и вроде легче ей ждать, теплее как-то.

1 июня —
Международный день
защиты детей

Юрий ЯКОВЛЕВ

«Родителям нет смысла
упрекать нас в том,
что мы не видели
войны. И все же
иногда нам приходит
в голову мысль, что
в нашей жизни недостает
чего-то серьезного
и сурового».

Откуда эти строки?

Из повести, из дневника,
из исповеди? Они
написаны неокрепшей
рукой подростка.

Взяты из школьной
тетради в линейку.
Они написаны по линейке,
но широтой чувств
и мыслей ломают
привычные рамки
и выходят на простор
времени. Дети слушают
время далекое
и близкое, они выбирают
во времени камертон,
по которому считают
нужным настраивать
свою жизнь.

Мне вспоминаются
послевоенные годы,
когда мы, фронтовики,
как бы пытались
приглубить память
войны, уберечь
детей от нашей суровой,
кровоточащей памяти.

Мы берегли детей.
Мы забыли, что нашим
детям принадлежит
не только светлое
будущее, но и суровый
вчерашний день. Они
потребовали у нашей
солдатской памяти:
поделись с нами!

«Меня пронизывает
щмяющее чувство боли:
не воскресить погибших,
среди них — мой дедущка.

Мое начало.

Я его продолжение...»

НАЧАЛО- ПРОДОЛЖЕНИЕ

5

Начало—продолжение. Сегодня дети не желают быть Иванами непомнящими, они хотят знать «свое начало», хотят быть продолжателями благородных жизней. Взрослые всегда мечтают, чтобы дети были лучше их, счастливее их,— это один из приводов человеческого прогресса. Но этот привод должен активно действовать, должен крутить колеса.

...Горит Вечный огонь на солдатских могилах. Трепещет на ветру пламя. Обжигает наши сердца. Мы все помним. Мы ничего не забыли. Наши фронтовые друзья всегда рядом с нами. Они рядом с нашими детьми. Их сила передается идущим нам на смену, их пример пробуждает прекрасное чувство беззаветной любви к Родине, к народу. Они в строю, наши павшие друзья. Вместе с нами несут трудную службу— помогают воспитывать смену, закигать в сердцах детей слова, звучащие как клятва: «Бой идет. Бой нового со старым. Бой за идеалы коммунизма. В этом бою никто не спросит, сколько тебе лет. Потому что ты нужен в этом бою. Больше того, без тебя его могут проиграть!»

На звуковой странице слушайте инсценировку рассказа Ю. Яковлева «Салют».

Фото Л. Лазарева

Владимир САВЕЛЬЕВ

На всех девчонках новенькие платья, и сам директор нынче без пальто. Прощайте, люди, вещи и понятия в категоричных рамках «от» и «до!» И клочки. И разбитые колени. И тети Глаши грустное лицо. И осторожно—только в три ступени— над мостовой парящее крыльцо. У всех мальчишек стильные прически. Хоть раз но мир стремится в облака,

вступая в жизнь

По просьбам читателей

На восьмой звуковой странице слушайте песни В. Монастырского и Ю. Рыбчинского «Девятый класс» и «Десятый класс» в исполнении ансамбля «Верные друзья» и И. Кобзона.

Фото С. Петрухина,
А. Бочинина

по виду и по сути тень березки не отличить от тени тополя. Не зря сюда вернет уже недерзко то, что влечет сегодня со двора: мол, истекают старость, зрелость, детство— бессмертна только юности пора. Бессмертна тем, прощаясь с берегами, что от высот к высотам без конца всходить ей, ощущая под ногами истертый камень школьного крыльца.

Вы слышали когда-нибудь, как смеется дивизия? Это океан смеха. Мы слышали и были счастливы...

Чувство юмора на фронте создавало оптимистическое настроение, облегчало трудности походов, подымало дух солдат и командиров, смягчало грусть потерь. Так появились весельчак Василий Теркин и его младший товарищ Фома Смыслов (спасибо Александру Твардовскому и Семену Кирсанову).

На полях сражений часто звучали веселая частушка, смешной анекдот, сатирические стихи и рассказы фронтовых писателей и поэтов. Юмор рождался вопреки, вернее сказать, наперекор опасности.

Помню такой случай: противник открыл шквальный огонь, наш батальон залег, кажется, ничто не могло заставить даже головы поднять. Вдруг один из бойцов заметил впереди воронку от разорвавшегося снаряда. Возможность вторичного попадания снаряда в одно и то же место почти невероятна, и бойцы кинулись в эту воронку. Но она не могла вместить всех желающих, и тогда кто-то крикнул: «Братцы! Продвигайтесь вперед,

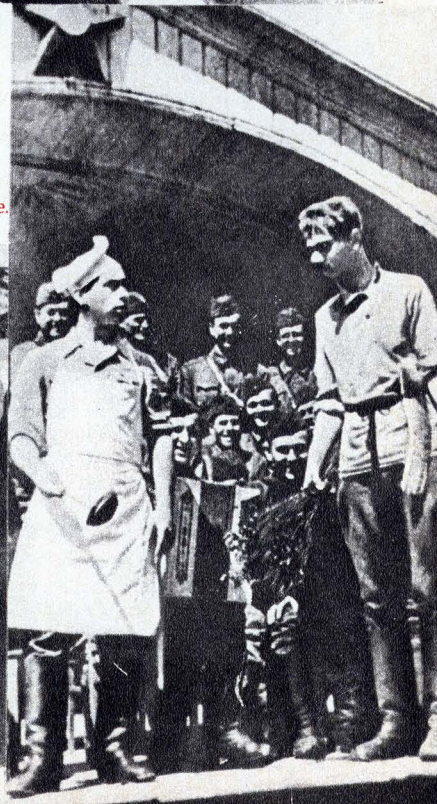
ЮМОР НА ФРОНТЕ

впереди еще много места!» Второй огрызнулся: «Воронка не резиновая». Вступил в эту «троллейбусную игру» и третий: «Эх ты! А еще каску надел! Дайте пройти женщине с пулеметом!» И все засмеялись. Командир батальона воспользовался минутной разрядкой и скомадовал: «Вперед!» Смелые солдаты преодолели полосу вражеского огня и заняли высоту. Я сам на минуту забыл о страхе и кинулся в атаку...

На Южном фронте был создан театр миниатюр «Веселый десант». Все организационные трудности взяло на себя Всероссийское театральное общество (ВТО). Задача была ясна: создавать на месте злободневный репертуар, воспитывать ненависть к врагу, развенчивать идеологию фашизма и поднимать дух бойцов, заряжать их отличным настроением. Смех — наше главное оружие.

Куплеты
повара Галкина
и банщика
Мочалкина,
песни «Дорога
на Берлин»
и «Валенки-
валенки» — на 9-й
звуковой странице.

Так родилась комедия «Бой за высоту Н», «Черт знает что» (пьеса о фашистах, попавших в ад), «Будьте любезны!» (об истории в штабе у Геббельса) и т. д. Поэт Илья Френкель написал свои знаменитые фронтовые песни «Давай закурим!», «Березка» и популярное «Трио фронтовых поваров». Доставленные разведкой с «языками» фашистские шинели, ордена, фуражки составили наш театральный гардероб, и через две недели по прибытии на Южный фронт мы уже играли своей первой спектакль на станции Лихая.

Писатели Борис Горбатов, Сергей Михалков, Павел Гуров и я писали каждую свободную минуту, и театр был обеспечен репертуаром. Кроме того, на каждом участке фронта, в каждом действующем подразделении я писал и исполнял фельетон на местные боевые темы, говорил о событиях на передовой, отмечая героев дня. Это было очень важно. Уже не было ни одного спектакля без такого фельетона.

«Веселый десант» приобрел на фронтах настоящих друзей. Многие из них и сегодня пишут нам письма, вспоминая, как мы встречались на полях боев и как юмор помогал в трудные минуты солдатской жизни.

Владимир ПОЛЯКОВ

Кроме фронтовых театров, о которых рассказал писатель Владимир Поляков, на передовых позициях перед бойцами все годы войны выступали с концертами сотни и сотни артистов, композиторов, поэтов, певцов.

Документальные записи выступлений участников концертных фронтовых бригад—Л. Руслановой, Л. Утесова, Ю. Тимошенко и Е. Березина—на девятой звуковой странице комментирует народный артист РСФСР Лев Миров.

Три из сотен фронтовых эпизодов вы видите на фотографиях. В традиционном русском сарафане—Лидия Русланова. И хотя в любой момент может раздаться команда: «К бою!»—солдаты, замерев, слушают песню... Леонид Утесов с дочерью Эдит передают пластинки пилоту самолета «Веселые ребята», построенного на средства утесовского оркестра... Ю. Тимошенко и Е. Березин начали свой артистический путь в годы войны. Они были хорошо известны солдатам как «повар Галкин» и «банщик Мочалкин».

ГОСТИ СССР

Название «кантри мюзик» на русский язык чаще всего переводят как «сельская музыка». Как всякий дословный перевод, этот столь же точен, сколь и ошибочен. Действительно, слово «кантри» употребляется в США в смысле сельского места, то есть места негородского. Но в том-то и дело, что имеется в виду не просто сельская, негородская музыка, а музыка, рожденная в совершенно определенном районе США с центром в городе Нашвилл, штат Теннесси. Поэтому ее часто называют «нашвилльским звуком».

Однако кантри мюзик можно услышать не только там, но и севернее, в штате Кентукки, под названием «блограсс»—«синетравный»—по цвету сочных лугов этих мест, и к западу от Нашвилла, двигаясь к Арканзасу и Оклахоме, и к юго-западу, по дороге в Техас. А дальше банджо чуть изменит свое звучание, гитара заиграет по-другому, отчаянно пиликающий скрипач уступит место контрабасисту... Будет другая музыка—возможно, прекрасная, но совсем другая.

Сейчас в США кантри мюзик успешно конкурирует со всеми новшествами, со всеми модными течениями. Среди причин популярности этой музыки прежде

...ЕСЛИ
ЕСТЬ
ЧТО
СКАЗАТЬ—
СКАЖИ!

всего следует назвать манеру исполнения. Кантри мюзик как бы говорит: «Если у тебя есть что сказать—скажи, а нечего, так молчи!» Простой, без затей манере исполнения соответствует и содержание песен: как правило, речь идет о конкретном деле, о чьей-то судьбе. Рассказ развивается по всем законам повествования. Наконец, популярность кантри мюзик наверняка объясняется неповторимостью звучания самих инструментов.

На одиннадцатой звуковой странице «Кругозора» собраны три образца кантри мюзик. Первый исполнитель—Теннесси Эрни Форд—не нуждается в рекомендациях. Прославившийся еще в 1954 году исполнением песни «16 тонн», он продолжает и сегодня пользоваться широкой известностью. Инструментальная пьеса, часть которой вы услышите, чрезвычайно характерна для кантри мюзик. Обратите особое внимание на виртуозность игры на банджо и на звучание «пиликалки», как местные музыканты называют скрипку. Песней «Дарю любовь» завершает пластинку Сэнди Барнет, совсем недавно ставшая «звездой» кантри мюзик. Любопытно, что она исполняет песню, формально не имеющую отношения к этому жанру. Однако в том-то и сила подлинно народного искусства: оно способно вобрать в себя и переосмыслить любое произведение.

Владимир ПОЗНЕР
Фото В. Лучина

Может быть, вам приходилось бывать на свадьбах в эстонской деревне? Их здесь справляют по-старинному: обрядовые песни, прощание девушек с невестой, деревенский оркестр, который организуют сами гости.

Инструменты, правда, есть не у каждого, так что в дело идет все, что может звучать. Например, обычная скамья или пивная бочка, в общем, все, что окажется под руками и... ногами. Если пол посыпать золой и чуть расцепленным черенком метлы скрести по нему, можно не только навести чистоту в доме, но и поздравить гостей с новым видом аккомпанемента. Или свиной пузырь при-

ЧУДО-КАННЕЛЬ

крепляют веревкой к обыкновенной палке—и готова музыка!

А кто-то из гостей обязательно прихватит с собой локк: перекладину с подвешенной доской, кленовой или березовой. Раньше в деревнях на ней колотушкой отбивали сигналы: «начало работы», «обед», «пожар»...

Но центральное место в свадебном оркестре занимает волынка. В старину пасторы называли волынку дьявольским органом: иногда случалось так, что оркестр волынщиков заглушал богослужение в церкви. Волынка считалась инструментом оптимистическим, однако в русском языке есть выражение «тянуть волынку». Объясняется все просто: у волынки, кроме мелодической, есть

басовая трубка (иногда их бывает две, три), которая все время тянет один и тот же звук, так называемый органный пункт. Отсюда и монотонность инструмента.

Есть еще одно русское выражение—«сварганить», то есть сделать что-то не очень хорошо. Оно ведет свое происхождение от варгана—маленькой металлической подковки со стальным язычком. На этом инструменте трудно исполнить мелодию, можно лишь извлекать звуки приблизительной высоты. Любопытно, что эстонский варган совершенно не отличается от якутского хомуза.

А если ко всем этим инструментам прибавить еще и каннель! Эстонский каннель и по внешнему виду и по звучанию очень похож на русские гусли. Музыка каннеля, по народным преданиям, обладала чудодейственной силой. Рассказывают, однажды во время чумы в деревне осталась в живых одна-единственная семья. Глава семьи в отчаянии взял в руки каннель и стал играть. И смерть повернула обратно.

Все эти старинные звучания воссозданы ансамблем народной музыки «Леагаюс». В ансамбле несколько фольклорных групп и самая интересная, по словам руководителя коллектива сотрудника Института истории Академии наук Эстонской ССР Игоря Тынуриста, группа эстонцев сету (народность, живущая на границе Эстонии с Псковской областью). С давних времен сету славилась оригинальной манерой пения и в течение веков передавали ее из поколения в поколение.

В репертуаре ансамбля песни и других народов: финские, литовские, ижорские, русские песни Псковской области. Рисунки танцев «Леагаюс» привозит из фольклорных экспедиций или восстанавливает по рассказам бабушек.

Людмила ЯШИНА
г. Таллин

На седьмой звуковой странице вы услышите инструментальные наигрыши, сетуские песни «Вставайте, ленивые хозяйки» и «С песней по деревне», эстонские «Запевайте, девушки» и «Жатвенную песню».

Фото А. Лидова

ТЕАТР «КРУГОЗОР»

Впрочем, и сто лет назад Кречинский между делом, шутя выводил рулады из «Волшебного стрелка». Теперь же он поет всерьез, делясь со зрителями своими страстями, авантурными планами, презрением к окружающей его «шущере» и горестным разочарованием в жизни.— поет, потому что такова условность жанра музыкального спектакля «Свадьба Кречинского», поставленного в ленинградском Театре музыкальной комедии.

Мне давно хотелось сочинить либретто музыкальной истории, в которой были бы сюжет без нелепиц, юмор без плоскостей, мысль без резонерства, трагедия без мелодрамы, любовь без заламывания рук. Ведь высокие образцы таких музыкальных спектаклей существуют, и, как правило, созданы они по замечательным литературным первоисточникам.

Для меня таким произведением стала «Свадьба Кречинского», написанная Сухово-Кобылиным. Какой напряженный сюжет, глубина характеров, образность и сочность языка! Какой суровый приговор обществу, где чистоган властвует над чувствами и жажда наживы попирает Честь.

Но перестроить старое здание на современный лад оказалось делом нелегким. И все-таки надо было переделывать—осторожно, бережно, но надо!—потому что тесно было в старых стенах композитору Александру Колкеру и

постановщику спектакля Владимиру Воробьеву. В пьесе Сухово-Кобылина действие неторопливо развивается в гостиной барского дома и в квартире разорившегося аристократа. Но музыкальному спектаклю как воздух необходимо присутствие толпы. Пришлось предоставить ей игорный дом, бальный зал, московские улицы, церковь, лавку ростовщика... Стремительной сменой мест действия, средствами современной музыки и хореографии театру удалось создать, как мне кажется, впечатляющую картину безумного мира, где одновременно молятся и продают, любят и сжигают со свету, улюлюкают и рыдают, где ведут свой смертельный поединок сытая глупость и отчаявшийся ум...

Для авторов новой «Свадьбы Кречинского» сейчас наступила приятная пора премьер в других музыкальных театрах. По-своему поставил спектакль в Каунасе Г. Ансимов. Оригинально трактует произведение Э. Митницкий в Киеве. Интересно было бы посмотреть, что получилось у наших друзей в Чехословакии и Болгарии.

Ким РЫЖОВ

На десятой звуковой странице—фрагменты спектакля: сцена в игорном доме, романс Лидочки и ария Кречинского «Шерше ля фамм» в исполнении А. Семак, В. Костецкого, В. Копылова и Б. Смолкина.

Фото Л. Лазарева

КРЕЧИНСКИЙ...ПОЕТ

**СЛУШАЙТЕ
В НОМЕРЕ:**

1. «Ты клятвою был, которой не нарушу...» Рассказ бывшей подпольщицы и новая песня о городе-герое Минске.
2. **Большое поле.** Говорят председатели колхозов нечерноземной зоны. Записи 1974—1975 гг.
3. «Поднятая целина» в авторском чтении.
4. **Вешенцы о М. А. Шолохове.**
5. «Мой дедушка—мое начало, я его продолжение». Журнал «Колобок» для детей и взрослых.
6. **Мария Каллас** в «Травиате» Верди.
7. **Эстонский фольклорный ансамбль «Лезгаюс».**
8. **Вам, старшекласники:** две песни в исполнении ансамбля «Верные друзья» и И. Кобзона.
9. **Фронтových бригад артисты:** Л. Русланова, Л. Утесов, Ю. Тимошенко и Е. Березин.
10. «Свадьба Кречинского». Фрагменты спектакля ленинградского Театра музыкальной комедии.
11. **Ансамбль «Кантри мюзик» (США).**
12. **Шаролта Залатнаи (Венгрия):** «Вернись, мой друг» (К. Фрейнрейс, А. Адамиш) и «Подсолнух» (Т. Барта, А. Адамиш).

© ИЗДАТЕЛЬ:
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
КОМИТЕТ СОВЕТА
МИНИСТРОВ СССР
ПО ТЕЛЕВИДИЮ
И РАДИОВЕЩАНИЮ
1975 г.

На первой странице
обложки рисунок
художника
В. Семенова
к 70-летию
М. А. Шолохова

Звуковые страницы
изготовлены Всесоюзной
студией грамзаписи
фирмы «Мелодия»
и Государственным
Домом радиовещания
и звукозаписи

Сдано в набор
29. IV. 1975 г.

Б 05401

Подп. к печ.

11. V. 1975 г.

Формат 60 × 84¹/₁₂

Усл. п. л. 1,24

Уч.-изд. л. 2,03

Тираж 500 000 экз.

Зак. 523 Цена 1 руб.

Ордена Ленина
и ордена Октябрьской
Революции типография
газеты «Правда»
имени В. И. Ленина.
125865, Москва, А-47,
ГСП, ул. «Правды», 24

Главный редактор Б. Л. ТИХОНЕНКО

Редакционная коллегия:

В. В. ГАСПАРЯН (зам. главного редактора),

И. Д. КАЗАКОВА, Л. Э. КРЕНКЕЛЬ,

А. Г. ЛУЦКИЙ (главный художник), В. В. МАНИОН,

Н. П. СУББОТИН (главный режиссер), Г. М. ШЕРГОВА.

Технический редактор Л. Е. Петрова.

Пишите
нам
по адресу:

113326, Москва,
Пятницкая, 25,
«Кругозор»

Дж. РАЙМОНДИ: Сценическая судьба странным образом соединила меня с этой замечательной певицей. Двадцать лет назад я дебютировал в миланской «Ла Скала», оказавшись на подмостках рядом с Каллас. Когда же она вступила на стезю оперного режиссера и решила поставить «Сицилийскую вечерню» Верди, я был приглашен принять участие в этом спектакле.

Мне трудно сказать, что ждет Каллас в мире режиссуры. Она остается величайшим профессионалом в своей изначальной области—в сфере вокального искусства. Кстати, ее восхождение по ступеням «Ла Скала» началось также с «Сицилийской вечерни». Наш известный певец Лаури-Вольпи указал на нее директору Гирингелли как на певицу, способную заменить отсутствующую актрису Канилью. И оказался прорицателем.

Во всяком случае, тот факт, что я мог дебютировать в спектакле, где пела Каллас, был для меня определяющим. Ставили «Травиату». Опера прошла семнадцать раз подряд, что для «Ла Скала»—рекорд. А я вынес убеждение, что Мария Каллас—самая изумительная певица, с которой мне довелось петь.

Голос ее великолепен. Но как бы не сразу ощущаешь его неповторимое своеобразие. Помните, что писал о нем тот же Лаури-Вольпи? Он говорил, что кажущаяся «угловатость» его пугает публику. Ей кажется, что это не один, а

МАСТЕРА ОПЕРНОЙ СЦЕНЫ

РОЗА

— Фамилия Каллас—псевдоним?

Каллас: Нет. Когда наша семья перебралась в августе 1923 года из Греции в Америку (я родилась в Нью-Йорке тремя месяцами позже—четвертого декабря), отец, аптекарь по профессии, понял, что нашу фамилию—Карагелопулос—надо сокращать. Ни один клиент не мог ее выговорить. Сначала он убрал середину. Получилось Калос. Потом удвоил «л» и заменил «о» на «а». Но все это случилось еще до того, как я пошла в школу. Там меня уже звали Каллас...

— Кто ведал дома вашей «музыкой»?

Каллас: Мать. По старинным обычаям девочкам домашняя музыка не возбранялась, однако на возможное их сценическое будущее смотрели косо. Семейные взгляды изменялись по мере того, как я начала подрастать. Мое детство в США совпало с эпохой Дины Дурбин, Ширли Темпл—поющих и играющих юных кинозвезд. Мама знала, что я музыкальна, но считала, что я должна принести семье еще и богатство.

У меня было несколько иное отношение ко всему этому. Мне нравилась музыка, однако всей душой я была в театре, в драме. Когда мы вернулись в Грецию, меня отдали в консерваторию, но я сказала матери, что не верю в свое вокальное призвание. «Если мне назначат стипендию,—сказала я,—буду продолжать учиться. Снимут с нее—брошу».

целых три голоса в одном. Но постепенно звучание смягчается, становится плавным, текучим, и повемногу зрители успокаиваются, покоряются и попадают, по словам Вольпи, в сверкающие сети этого паука, пылко и коварно завлекающего в них.

И еще в этом голосе есть сердце. Человечность Каллас я ставлю выше всего. Быть может, я делаю это как ее партнер. Мы пели вместе затем в «Лючии ди Ламмермур», «Анне Болейн». Диапазон ее дарования огромен. От Лючии до Турандот. Она пела практически все партии лирического и драматического сопрано. Верхний регистр ее простирается до ми-бемоль третьей октавы. Это формальный объем голоса. Куда труднее иметь артистический охват. Каллас часто сравнивают с Тебальди. В чисто голосовом масштабе сравнение правомерно. Но в репертуарном оно не может быть проведено.

Фигура Каллас возвышается над всеми ее соперницами. Она играет в опере как драматическая актриса, соединяя бельканто с психологией воплощения. Для этого необходим сплав таланта и ума.

Мария Каллас вступила на театральные подмостки (впервые это было в Афинах) в 14 лет. Талантливая натура проявляется рано, как и ум. Искрящийся же ум Каллас необыкновенен, и он, да будет позволено мне сказать, столь же ярок, сколь и ее божественное пение.

И ГАРДЕНЬЯ 6

Втайне я надеялась, что выйдет второе, но стипендию мне назначали год за годом.

— У кого вы учились тогда?

Каллас: Я попала к знаменитой преподавательнице, испанской певице Эльвире де Идальго. Она потом вспоминала не раз о квадратной и толстой девице с хорошей памятью и упрямым характером. Учила я действительно быстро. Порой недели было достаточно, чтобы я знала оперную партию наизусть. Первой моей ролью была роль Сантуцци в «Сельской чести» Масканьи. С нее начался мой путь, рассказывать о котором было бы слишком долго. Но, быть может, стоит выделить десять моих лет в миланской «Ла Скала». Там была спета «Норма» Беллини, «Медея» Керубини, «Похищение из Сераля» Моцарта и многое другое.

— Кто из ваших оперных героинь наиболее близок вам по характеру?..

Каллас: Норма и Травиата. Два образа, два характера, не похожих друг на друга, полярных в какой-то степени. Я в этом смысле сравнила бы их с моими любимыми цветами—с темно-красной, уходящей в черноту розой и нежной, белой гарденей. Но в этих образах есть и общее...

— Что именно?

Мария Каллас отвечает на этот вопрос в начале шестой звуковой страницы, перед исполнением арии Виолетты из последнего акта оперы Верди «Травиата».

Известия о Каллас не часто публикуются теперь. Два года назад было объявлено, что одна из величайших певиц современности собирается стать оперным режиссером. «Королевский театр» в Турине открыл сезон

1973 года «Сицилийской вечерней»— оперой Верди в постановке Марии Каллас. Параллельно певица готовилась к сольным концертам, которые должны были опровергнуть слухи о том, что она преждевременно простилась с вокальными подмостками. «Концертное» возвращение Каллас действительно состоялось.

Оно было приурочено певицей к своему полувековому юбилею. Годовщину отметили любители музыки во многих странах мира в знак преклонения не только перед искусством певицы, но и драматическим даром замечательной оперной актрисы нашего столетия.

На страницах «Кругозора» — два отрывка из интервью, взятых мною у М. Каллас (1970 г.) и ее партнера по миланской «Ла Скала» Д. Раймонди (1974 г.). Мария Каллас вспоминает о годах ученичества и первых шагах в музыке и на сцене. Джани Раймонди размышляет об искусстве Каллас в пору ее артистического зенита.

Артем ГАЛЬПЕРИН

ШАРОЛТА ЗАЛАТНАИ И АНСАМБЛЬ «ЛОКОМОТИВ»

ЭСТРАДА ПЛАНЕТЫ

Венгрия

12

Ей двадцать три года. А певческий стаж ее равен семи годам, хотя она готовила себя к другой профессии. Вернее, к другим. Закончив будапештскую музыкальную школу, изучала немецкий и английский в институте иностранных языков. Одновременно получила специальность косметолога и училась пению. И, как ни странно, все, что изучала Шаролта, пригодилось ей, когда она окончательно выбрала эстраду. Теперь она одна из самых известных в Венгрии певиц. (В «Кругозоре» № 11 за 1974 год рассказывалось об успехах Залатнай в международных конкурсах и гастрольных поездках.)

Несколько лет Шаролта пела с ансамблем «Локомотив ГТ». История создания этого квартета довольно необычна: принято считать, что у его колыбели стояла вся венгерская молодежь. В конце 1970 года редакция комсомольского журнала «Венгерская молодежь» обратилась к читателям с просьбой назвать самых популярных музыкантов страны. И когда в апреле 1971 года было объявлено об образовании нового вокально-инструментального ансамбля, оказалось, что все его участники — победители читательского конкурса. В состав «Локомотива» вошли композитор, вокалист и органист Габор Прессер, ударник Иозеф Лоукс, которые до этого играли в ансамбле «Омега»; бас-гитарист Карол Фрейнрейс из группы «Метро» и гитарист «Хунгари» Томаш Барта. Летом 1973 года вместо К. Фрейнрейса в коллектив пришел саксофонист и бас-гитарист Томаш Шомлу.

В манере игры ансамбля выразилось все лучшее, что накопила популярная музыка Венгрии: высокий профессионализм исполнения, песенный репертуар, основанный на народных традициях, яркая индивидуальность и использование звучания большой палитры музыкальных инструментов — от пастушечьего рожка до электронных инструментов.

С. ЧЕКРЫГИНА,
В. ОСОКИН

Цена 1 руб.